

Когда медсестра пришла снимать иглу, Лу Юси проснулся в полусне и машинально потянулся рукой к глазам, но Гу Чэнъань быстро остановил его. Только тогда он вспомнил, что на руке всё ещё пластырь, и она слегка побаливала.

Когда они вышли из больницы, рождественский поток людей уже почти рассеялся, и у входа дежурило немало такси с горящими «свободно».

Дорога домой занимала от силы десять минут, и даже водитель немного удивился, услышав адрес. Но Гу Чэнъань, опасаясь, что Лу Юси снова простудится, не стал спрашивать его мнения и просто усадил в машину.

Дома оба валились с ног от усталости. После ночных хлопот никто не выспался, особенно Лу Юси: скинув одежду, он сразу же рухнул на кровать и зарылся в одеяло.

Гу Чэнъань оказался внимательнее: он зашёл на кухню, налил стакан горячей воды, поставил у изголовья и только тогда забрался под одеяло.

Та подушка, что они иногда клали между собой, а иногда обнимали, куда-то исчезла — видимо, Лу Юси её убрал. Гу Чэнъань протянул руку и нащупал его тело в тонкой футболке. Температура явно спала, и на душе стало спокойнее.

Но не прошло и минуты, как тот пододвинулся ближе, обвил его руками за талию и плотно прижался.

Гу Чэнъань открыл глаза и увидел макушку его головы; растрёпанные волосы слегка щекотали руку. Через мгновение Лу Юси поднял голову и уставился на него прямым, ничего не выражающим взглядом.

Гу Чэнъань слегка отвёл глаза, поправил его волосы, обнял в ответ и, мягко проведя костяшками пальцев вдоль позвоночника, хриловато спросил: «Что такое? Плохо?»

Лу Юси не ответил, лишь зарылся лицом в его грудь. Чуть погодя он произнёс: «То, что ты вчера сказал... это правда?»

Имел ли он в виду признание? Гу Чэнъань только собрался ответить, как Лу Юси слегка отстранился, снова посмотрел на него и сказал: «Хотя это, наверное, нечестно... но пусть это будет твоим рождественским подарком, ладно?»

Он приподнялся и легко коснулся его нижней губы, прошептал: «Парень».

Спросил ли он себя, разобрался ли в своих чувствах? Лу Юси ответил бы, что нет. Но два часа назад, когда он сидел с температурой в коридоре приёмного отделения, в голове у него был только Гу Чэнъань, больше никого.

Разве не говорят, что человек, о котором думаешь, когда болеешь, — это и есть тот, кого любишь? Так к чему тогда все эти сомнения?

— Парень, — повторил он.

Гу Чэнъань остолбенел. Казалось, его реакция на мгновение отключилась, прежде чем вернуться с опозданием.

Он смотрел, как Лу Юси пристально глядит на него, и в его зрачках не было ничего, кроме

собственного отражения.

Он замешкался на несколько секунд, затем наклонился, коснулся его губ, потеревил их, а потом начал осторожно покусывать нижнюю губу, то и дело слегка оттягивая её.

Неопытный Лу Юси не мог устоять перед таким обращением. Он невольно приоткрыл рот, и в тот же миг почувствовал, как язык Гу Чэнъаня устремился внутрь, ловя свой шанс.

Поцелуй углублялся, сводя с ума, заставляя мозг отключиться, а все чувства сосредоточиться в одной точке.

Но не он один испытывал подобное. Гу Чэнъань тоже был захвачен. Каждая реакция человека в его объятиях была словно лёгкое перышко, скользящее по сердцу, щекочущее его и вызывающее нестерпимый зуд.

Он слегка надавил на его талию, усиливая давление губ и языка, пока не услышал сдавленный стон боли, и лишь тогда отпустил.

Но ему явно было мало. В следующее мгновение он переключился на шею парня, принявшись нежно покусывать чувствительную кожу возле уязвимой артерии.

Ощущения были слишком яркими, слишком резкими. Тело Лу Юси невольно дёрнулось назад, но на губах его играла улыбка: «Перестань... ай... ты что, как собака, что ли?..»

Услышав это, Гу Чэнъань тихо рассмеялся, прекратил свои действия и крепче прижал его к себе. «Просто я... кажется, слишком счастлив». И, возможно, даже больше, чем ожидал.

Услышав это, Лу Юси тоже не смог сдержать улыбку.

Первый утренний свет осветил шторы, и оба лежащих в постели наконец поняли, что наступило утро. К счастью, следующий день был воскресеньем, и можно было поспать подольше.

Но, глядя друг на друга, они всё ещё были возбуждены. Стоило закрыть глаза, как через пару минут они снова открывались. Однако Лу Юси всё-таки только что переболел, и в конце концов он первым не выдержал и заснул.

Когда он проснулся, было уже за два часа дня. Крепко обнимавший его сзади Гу Чэнъань был намного теплее; одной рукой он плотно обхватывал его талию. Лу Юси почувствовал, что вспотел, и усталость от вчерашней лихорадки в основном прошла.

Он слегка пошевелился и приподнялся. Человек позади чутко уловил движение и тоже открыл глаза.

Солнечный свет, проникавший сквозь стекло, вырисовывал чёткий контур его подбородка и тонкую шею. Гу Чэнъань, всё ещё лежа, какое-то время смотрел на сидящего рядом человека, устремившего взгляд в окно, потом не выдержал, сел, укусил его за кадык и поднялся с кровати.

Сидящий на кровати лишь остолбенело смотрел ему вслед, прикрывая рукой только что укушенное место. И только когда тот вышел из комнаты, он покраснел и пробормотал: «Точно, собака».

В понедельник, как обычно, была линейка с подъёмом флага — день, когда нужно приходиться заранее. Но Гу Чэнъань и Лу Юси, заигравшись до глубокой ночи, проспали.

Когда они пришли в школу, все классы уже построились. Чжан Вэньсюй, завидев их у ворот, тут же принялся «скромно» махать рукой из толпы.

Классный руководитель бросил на них грозный взгляд, но, увидев, что это второе и третье место в классе, мгновенно сменил выражение на «хорошо потрудились» и кивнул.

Они рысцой встроились в строй. Едва оказавшись на месте, Чжан Вэньсюй уставился на лицо Лу Юси, затем с беспокойством произнёс: «Юси, с тобой всё в порядке? Почему ты такой красный?»

— Просто бежал слишком быстро, — спокойно ответил Лу Юси, развернул Чжан Вэньсюй обратно и бросил ядовитый взгляд на хихикающего рядом человека.

У Гу Чэнъаня снова полезла дурь: он собрался было наклониться и сказать ему «А ты только что был такой милый», как Чжан Вэньсюй снова обернулся и спросил: «А это что за запах у вас?»

— Какой запах? — Лу Юси вздрогнул. Неужели он тоже как собака, раз учуял?

Чжан Вэньсюй ещё несколько раз шумно втянул нос и с досадой произнёс: «От вас обоих пахнет одинаково».

Услышав это, Гу Чэнъань уже не смог сдержаться — облокотился на спину Лу Юси и залился беззвучным смехом.

Лу Юси же реально схватился за голову. Но, если разобраться, винить чувствительный нос Чжан Вэньсюй было не в чём. Всё дело в том, что прошлым вечером, увидев, что чистой одежды не осталось, он решил постирать её поскорее и высушить. Но в тот момент, когда он добавлял кондиционер для белья в стиральную машину, этот прилипчивый верзила подошёл сзади, обнял его за талию, взял за подбородок и поцеловал.

И всего-то из-за этого движения Лу Юси случайно уронил флакон с кондиционером в стиральную машину. Когда он его достал, добрая четверть содержимого уже вылилась на одежду. Спасать было нечего.

Вечером они ещё надеялись, что за ночь запах выветрится, но утром, едва надев вещи, поняли — это было роковой ошибкой.

К счастью, ветер сегодня был сильный, и по дороге запах уже во многом рассеялся, иначе, стоя здесь, они бы наполнили ароматом весь стадион.

В конце концов, странная голова Чжан Вэньсюй спасла их. Он вдруг просиял от озарения: «Вы вчера, наверное, вместе ходили в хот-пот! Это же запах освежителя из хот-потницы!»

— Да, да, — поддакнул Лу Юси, в то время как его рука щипала Гу Чэнъаня за бок.

Неизвестно, было ли это так уж смешно, но даже вернувшись в класс на уроки, Гу Чэнъань не мог унять улыбку.